

Новое Время № 9916

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ БЛИЖНИМЪ,
12 окт. 1903;
П. А. Стрелцова.

Чуждые бытие въ небольшой лавровой церкви. Толпа братьевъ и потерявшихъ господъ, артистовъ и писателей, поклонниковъ изъ публики. Среди свечей и зелени гроба, а въ немъ хулою, жалкое тело злой безвѣны лиро. Какъ заснувшая, она лежала, маленькая и грустная. Смерть отняла у этого строгаго лица краски, и безъ того полекчиваго, но неумъ. Странно смотрѣть на неподвижность и нѣмѣту лица еще полнаго миссалъ! И что это за красота—православное погребенье! Дьяконы подаетъ глубокие восклицанья, священникъ мыто отъвѣчаетъ изъ алтара, и съ тихой скорбью поетъ лѣтныя древняя священныя молитвы. Голубоватый дымокъ изъ свечей, и звонъ колоколовъ... Но она одна не слышитъ и не видитъ всего этого среди иды. Изъ гроба она глядитъ уже и зъ а гроба, изъ мира молчанья, изъ мира остано- вившагося времени, изъ мира никому недоступной тайны. Смерть всегда застаетъ живущихъ върасплохъ. Что случилось? Гдѣ же человѣкъ? Гдѣ это точно въ огнѣ горѣвшая вся жизнь, мучительная, безпокойная жезница! Вотъ предъ нами рас- пространенное несчастное маленькое тѣло, безформанное, безгласное, сброшенное совершенно какъ ветхое рубище, уже ни ей, никому не нужное. Поразительно видѣть, до чего мало остается отъ человѣка, разъ у него выпута душа. Ровно такъ ничего не остается. Точно бляшко, которое сгустилось на нѣскольго минутъ и сейчасъ разой- дется, посечется въ бездонномъ небѣ.

— Я не люблю знать покойную и не беру рисовать ее для портрета. Но мне кажется, мы потеряли большой трагический талант и одну из замечательнейших русских женщин. Все кто хорошо знает ее и кто еще в состоянии вспомнить о ней в печати — пусть поторопятся сдаться эти Уны, наша жалкая человеческая память — она развивается нашей благодарности к хорошему людям, она похожа на этот самый гадильный, таинственный сфинкс. На моей памяти умерло много замечательных людей. Под впечатлением похорон думаю: неужели уже забудут? Неужели забудут Достоевского, Тургенева, Шедрина, Гончарова, Льюкова, Вл. Соловьева, Полосового? Их звали сотни людей, неужели эти, забывшие честь и счастье знать знаменитых своих современников, унесут с собою все, что могли свое знание? Но прошедшие годы, изгнания, деградация, и даже о великих наших писателях не появлялось сколько-нибудь ценных воспоминаний. Даже Достоевский, Тургенев и Гончаров все еще ждут своих биографов. Мне кажется, это быстрое забвение — черта эпохи неблагоприятная. Знакомство с замечательными людьми есть не личное достояние небольшого круга, а собственность всего общества. Как путешественник, видевший далекие страны, ямщик не только прав, но и долг подлиться своими впечатлениями со обществом, так и те, кто видит рядящих людей — эту лучшую роскошь природы, чудесные амазоны и небесных звезд. На них лежит сохранение благодарной памяти, культ величия, ибо что такое бессмертие, если замечательный

человѣкъ похороненъ въ нашемъ заповни,
какъ въ сырой могилѣ? Итакъ, если погиб-
шая безвременно Стрѣпетова была рѣдкимъ
талантомъ, пусть поспѣшатъ всѣ знавшіе
ее сказать о ней, что знаютъ.

Къ глупокому сожалѣнію я зналъ ее не близко, и ничего цѣннаго не могу разсказать о ней. Я познакомился съ ней въ милой семьѣ А. Н. Толмбровой на дачѣ, на берегу моря. Встрѣтился съ нею какъ-то въ Крыму, бывалъ у нея, но все мимоходомъ. Помню при первомъ же знакомствѣ былъ пораженъ озлобленностью Поины Антиповны, съ неприимчивостію, характеромъ грознымъ какимъ-то. Недаромъ она была такъ хороша въ «Грозахъ»: она казалась всмысленной какою-то знобимой электричествомъ. Признаюсь, въ началѣ она мнѣ показалась недоброю. Казалось, что она ненавидѣла людей, что она мстила имъ за свою неудавшуюся жизнь. На своихъ товарищей по искусству, на театральную администрацію она метала проклятія, О, подумаю я, если бы этой женщинѣ власть и сила! Она удивила бы міръ своею жестокостію. На словахъ въ дній одной человѣческой слабости у нея не было попятна. Но вглядываясь въ ее обликъ, вслушиваясь въ подчасъ истуженную рѣчь, восхитялся искренн безавѣстной вѣжностію ея материнскою, нотками негодованія иногда истинно-благороднаго, нотками ея жалости съ людьми несчастными, вытека въ ея гордость передъ судьбою,—и я повяло, что я ошибся. Все-то не злая женщина. Это трагическій талантъ—вотъ и все. Просто мнѣ не приходится видѣть раны столь крупныхъ трагическихъ ватуры и я ошибся. Позднѣе я узналъ Стретову нѣсколько ближе. Въ той самой общинѣ сестеръ милосердія.

гдъ она умерла, не спасенная на этот раз помощью знаменитого хирурга, жить шесть недель лежа и я подъ тѣмъ же ножомъ и хлороформомъ. Во время затупавшаго видоизображенія ко мнѣ неожиданно пріѣхала Стрелетова, разъ и другой разъ. Я былъ тронутъ этимъ вниманіемъ и въ разговорѣ узналъ кое-что изъ ея жизни, въ общемъ очень печальной. Отъ зачатія, до тѣхъ двухъ слезинокъ, что выкатились у нея уже мертвой, это была сплошная трагедія. Начать съ того, что она не знала, чья была дочь. Она была подкидышъ. Дѣи души столь гордой и въ то же время нѣжной, столь жадной на ласку нести всю жизнь это отверженіе отъ тѣхъ, кто далъ ей жизнь — согласитесь, это черта трагическая. Загнана — еще въ зачатіи, предательство еще до колыбели, нѣзистъ тамъ, дѣло въ вѣствующихъ беззастѣныхъ самоотверженіе... Стрелетова, мнѣ кажется, была всю жизнь отравлена этой обидой. Помните ли вы ее въ «Вѣсъ вины виноватые»? Вотъ каковы горемъ личнымъ заживающая талантъ артистки! Тѣ, что ее подкинули бѣдному театральному парикмахеру (не артисты ли?) не ошиблись: у парикмахера оказалось сердце. Ошибка была развѣ въ томъ, что брошенное оказалось драгоценностью, которой въ ней не предполагали. Врипантъ, потерянный на грязной дорогѣ, онъ рано или поздно засверкаетъ, его замѣтита въ образованная Россія. Стрелетова не долго, но все же убѣло десятилѣтіе была украшеніемъ русской сцены. Почему такъ не долго? Я этого въ точности не знаю. Говорить, она была «невозможна». Ея колѣны были, какъ громомъ, пригнѣтали къ ней брыз-

собирать в нем вразумку. Она решительно ни съ кѣмъ не удавалась, съ кѣмъ не хотѣли служить. Далекий отъ театра, я не беру съ судить, на чей сторонѣ вина. Я оставлю замѣтить, что талантъ столь рѣдкій имѣть бы право на исключительное вниманіе. Если русская натура даровитой артистки такова, что ей нельзя отъ времени до времени не показывать, восхищенное общество охотно торжествуетъ ей. Капризъ пройдетъ, а талантъ долженъ остаться. Что за бѣда, если Стрелитова, какъ многие русскіе люди, была крутого нраву? За это крутоство нужно было разсчитать трагическую душу, черепуры ужъ чуткую, оскорбленную безъ всякой мѣры. Ея личная жизнь... О ней нельзя говорить надъ гробомъ, но въ театральномъ мірѣ всѣ знаютъ, что это была за жизнь. Пусть наконецъ она была капризна, горда, слишкомъ требовательна на вниманіе. Право, все ей стѣновало бы позволить, по всему снисходить. Что намъ, русскому обществу, за дѣло до вапхитъ театральныя интриги и драмы? Соревнуй сколько угодно за кулисами, но сберегите себя для сцены. Сцена не наше только достоинство, но и наше. Можеть быть это было выгодно для актерской братии—назваться отъ грозной старухи, но вы лишили театр огромной силы, а русское общество—одного изъ важныхъ средствъ образованія.

Для каждого живого поколения души — учитель — живой, присутствующий в нем талант. Это святая точка, длающая видным все вокруг себя — природу, и человеческую душу. Особенного бережения заслуживает талант актера. Шпастелю надо прочесть повесть смерти, но актер весь должен быть израсходован, пока жив. Откалывая его на будущее, вы кладете его в могилу. Талант замечательного актера есть учитель толпы по премуществу. Он — наглядный выразитель человеческой души, ее лучший объяснитель. Какъ было не показать огромного дарования Стреленов! Оно было трагическое, неудобное для администрации театра, но какъ трагическое — особенно редкое, особенно ценное.

Посредством драматургии отучили нас от серьезной сны. Несколько десятилетий держалась либо комедия, либо бытовая драма. Публика втянулась въ такъ - вѣшиваемый «смѣхъ сквозь слезы», въ психологию легкой набожности или легкатаго состраданія, ибо нельзя же очень серьезно относиться къ драматизму быта, къ драматизму дурныхъ нравовъ, смѣшныхъ или злобныхъ. Современное общество начинаетъ забывать серьезную сатиру и трагедию—крупные характеры Мольера, высокие страдания древнихъ трагиковъ. Что такое душа человѣческа! независимо отъ быта—это начинается быть все менѣе яснымъ. Что такое великая душа человѣческая—это множество людей неизвѣстно, ибо гдѣ же въ жизни въ встрѣтѣ героевъ, полубоговъ? Иной прожигаетъ долгую жизнь, не зная, что такое человѣкъ, что въ немъ возможно. Десятикъ лѣтъ вы можете ходить въ театрѣ и ни разу не пережить тѣхъ огромныхъ ощущеній, какія выносили не только древніе греки, но даже наши москвичи времени Бѣлинскаго. Видѣ не выдумка же эти огромныя ощущенія. Публика действительно чувствовала себя захваченной какою-то бурей, действительно занемогала отъ сладкаго ужаса, действительно

рыдаю. И я сама сама по себе была не богаче, как то, или ты же Шекспир, Шиллер. Но на сцене тогда жила истинно-трагическая талантливость, нѣчто совсемъ особенное и намъ почти незнакомо. И духъ, и тонъ тогдашняго общества были выше теперешняго. Героическое было въ самой жизни (послѣ 12-го года), и демонизмъ эпохи Байрона не былъ пустымъ крикливымъ, какъ теперь. Можеть быть потому и являлись тогда великіе трагики, потому и удерживались на сценѣ. Пушкинъ не засталъ величавые характеры въ самой жизни. Гоголь уже какъ будто не видалъ ихъ. Отъ великаго и вѣчнаго литература наша стала клониться къ бытовому, вѣшному, и условия для трагедій исчезли. Но она нужна и теперь, какъ въ вѣкъ Софокла. Она всегда нужна, какъ высшее откровеніе искусства, какъ изображеніе самой сущности природы, великой души человѣческой. Именно здѣсь вершина самопознанія, вершина истинной образованности. Если такъ, то рѣдкіе трагические таланты заслуживаютъ особеннаго поклонничества, и право не грѣхъ было бы дать покойной Стрелетовой даже покартинничать. Въдѣ и капризна-то она была можетъ-быть отъ особенностей своей природы. Талантъ вообще вещь тяжкая. Носить въ своей груди нѣкоего духа, вѣчно тревожнаго, слишкомъ много заставляющаго, всенядающаго, всемыслищаго, чуткаго, — это не легко. А если притомъ это демонъ трагическій, протестующій, непокорный, — носить его въ своемъ сердцѣ — мученье. Развѣ великіе трагики отличались безмятежными характерами? Далеко нѣтъ. Они бывали добры... Но развѣ въ самомъ дѣлѣ Стрелетова не была доброй? По самому-то существу сердца въ его глубокое копытѣ

Я мало знала покойную, но вы ее необычайной и скромной квартирой на Клиппинг-стрит чувствовали, что вы в ее доме очень простой и скромной, хорошей женщины, с неизменною чужеземностью к тому, что она любила. Она любила детей, свое искусство и человеческое страдание. Видимо еще девушкой она вернула в себя преданная великой школы, может быть даже через Блэкинсана (мужчина которого назвала Бисероном своего сына), еще девушкой посвятила себя высокой драме, и может быть это было несчастье ее, что ей пришлось удовлетворяться Островскими. Недурной багет-писатель, Островский конечно был не Шекспир, но тайнолюбив духа. Что драмы случаются и в русской среде, это бесспорно, но для трагедии средней быть недостаточным. Тут нужна иная, более тонкая, более изысканная и строгая культура, аристократическая или крестьянская. Как давно замечено, крестьяне имитируют культуру более выпрабтанную, чужд различий средней класс. Вот почему в «Горы, горы сундыш», во «Власти тьмы», в «Медет» Стенетона была гораздо лучше, чужд в «надрывных» и вносящих драматизма Замосковьях. К истинному несчастью нашей сцены у нас нет до сих пор нет великих драматургов. Их нет и в трагические таланты в роде Стенетон вынуждены просто от того, что им печено делать. Что изображать-то? Все Марицу да Марицу, Катерину да Катерину, — все приписанные, несчастные, изувеченные тины? Стенетона, им кажется, годится для лучшей доли. Я это говорю не в

ур, поставившим темеренным драматургом. Чьям они виноваты, если сама жизнь утратила свою величавость, если европейская история обмельчала? Говорят, вина длаётся героев, но не соизеще же героям в эпоху промышленную и мануфактурную. На это рыдается только Леане, но зато как неудачно. Помню у Стендэловой оидь порыв дущи, почти величавый. Вь голодный годь собирали для покормоющих. Стендэлова была бдла. Но чей остался серебряные звзлы и росшннны, дорогая платья, воспоминанье о шотой порь е на сдещ. Вы знаете, что зачат звзлы и заштынны платья для женщины, для артистки. Не колебався, она справила все от голодамым. Я получаю тогда, что еь таким же порывом жертвовала предки Стендэловой на всеаное опачение. Только в сильную эпоу эта дша могла бы стать передь обществом вь полный свой рост. Но возможна и трагедия теперь, когда все обшнсти бланузно? Не в самое ли трагическое личное время трагический талант?

Страшно жаль Стендэловой, жаль какь еловка. Вь каком мы живем холодом, равнодушном обществе! Я узнаю о я узакных предпретных мучах (какь келудка) уже послэ ея смерти. Вь газетазх и не встретишь ни слова о ея бдлах. Ни слова! Хотя о подельной сказовой дошды вь Москвь это время прожужжалось всь ушн. Я думаю ушражающим замечательным людяим бдло это пренебрежение. Можеть быть невозможно ласки, невозможно благодарности и человеческого соучастия было бы не лишне вь эти страстные дни разставанья их сь родной землей...

А. М. Воирищев-Пушкин.

Въ литературномъ кружкѣ, гдѣ я бываю по пятницамъ, служили паянхиду по другому замѣчательномъ человѣкѣ, горбистомъ еще укасице, члѣнѣ Стрешнева. Она была извѣстная артистка, ее очевидно долгие годы точили роковой нечутъ. Но Воирищевъ-Пушкинъ былъ богатырь по сложенію. Правда, немного, какъ въ мѣ мѣ Петербургѣ, это былъ чистотѣ утомленный, но еще удивительно дѣятельный, одушевленный, полный жизни. Я помню его еще молодымъ адвокатомъ—это былъ образецъ дѣятельнаго, the right man on the right place, какъ говорятъ англичане. Высокій, стройный, мужественный, красивый, онъ выделялся среди адвокатовъ порядочностию тона, серьезностію и дѣятельностію.—Вотъ кому поручить честное дѣло!—думалось, глядя на него. «Честное дѣло» какъ-то шло къ нему, было ему къ лицу. Появляющаяся же я съ нимъ недавно, въ кружкѣ Полонскаго, гдѣ онъ былъ председателемъ. Товарищъ оберъ-прокурора Сѣната, человѣкъ страшно занятый, онъ тогачи, прियाвъ самое живое, страстное участіе въ литературномъ кружкѣ. Среди писателей и артистовъ, онъ держалъ себя... и хотѣлъ сказать просто и любезно, но душе сказать, онъ не держалъ себя никакъ. «Истинный дѣятельность,—говоритъ Раскинъ, —не нуждается въ самообладаніи. Онъ просто чувствуетъ то, что должно чувствовать во всѣхъ случаяхъ. Онъ выражаетъ свое чувство въ такой мѣрѣ, въ какой оно должно быть выражено, и для этого ему не нужно владѣть собой». Мнѣ кажется, Воирищевъ-Пушкинъ обладалъ

градоначальника ответственностью доброты и справедливости, той красотой характера, которая всегда давалась природе и хорошей наследственностью культуры. Глядя на энергию, с которой он работал для кружка, я часто спрашивал себя: какую же страшную массу сил вкладает этот богатырь на свое прямое дело, на государственную службу? А мне было сомнительно, что он не манипулирует. А. О. Кови в своей прекрасной речи, посвященной покойному, сообщил нам, что кроме огромной текущей работы в селатре Бобричев-Пушкин задавал себе задачу по изысканию психологических законов, руководил практикой суда призывных. Мне лично в трудное покойного известие пришло на ум имя книга о секантингах — прямо драгоценная и по количеству материала, и по его обработке. В литературном кружке на Бобричев лежало не только представительство, но и руководящая административная роль. Он составлял программы вечеров, приглашал писателей, артистов, музыкантов, руководил премиями, сам в большинстве случаев составлял доклады. Некоторые из этих докладов, например о Ницше, требовали предварительного прочтения нескольких томов. И тогда я слышал сказанные удивительные добросовестность покойного, черта породаючости: он хотел говорить лишь о том, что знал доподлинно. Начитанность его была удивительная. Он принадлежал к той вымирающей кажется породе людей высшей умственной культуры, тонкощущей чуждатель мысли, коллекционеров знаний. Он жил не в захолустной русской провинции, как большинство даже ищущих

дожидаясь, а широкой европейской. Как-то его предки читали Вольтера и Гегеля в одно время с французскими и немцами, так и он одновременно с Западом переживал и Надиме, Мопассана, Метерлинка, Ибсена... Ничто новое и яркое не ускользало от его взора, он не оставал от века. Сказать по совести, много-ли у нас таких людей? А они очень нужны стране. Такие люди — истинные носители просвещения. Они держат в себе разум своего времени, как почва злагу, расходуя его в пол-ночь мёртв и производительно. Иногда думают, что культурный человек уже тем самым не рабочий. Какой вздор! Именно культурные-то люди — самые рабочие, какие возможны, и то среди крестьян или аристократов одинаково. Культура ведь и есть доведение свойств обыкновенного человека до совершенства, в том числе рабочих свойств. В культурном человеке зачаточная способность как бы зажарены и отточены, его как бы мобилизовано и вооружено им и его голова до ночи. Все равно, на государственной или частной работ культурный человек работает как превосходная машина: обдуманно, стойко, прочно, с зарплате обеспеченным успехом. Таковы были покойный Борщев — Пушкин, как юрист, учёный, публицист, поэт. У него не было огромного самородного таланта, как у Стретовитов, у него была огромная энергия просвещённого человека, способная всякому таланту дать в своём сердце жизнь и действие. Напрасно думать, что нужны только великие писатели и великие артисты: необходимо, чтобы в обществ была хотя небольшая, но великая публика

иногда сменяется не вступить почти, не в просторство. Рационально необходимо, чтобы таинственность интеллигенции, состоящей из специалистов, было бы крайне невежеством, но не всем, кто не их ремесло, прилагательные люди общего, возможно широкого образования, носители не отдельной науки или искусства, а из общего духа, носители цивилизации вообще. Накопление интеллигентного громадо; даже сильный ум, по крайней мере, исключительно в свою область, прилагательные. Необходимо, чтобы в обществе была группа людей, занятая синтезом знаний, строгим отбором того, что должно войти в состав души, в мировоззрение, в религию человека, в ту или иную философскую философию, которая в каждом человеке, как нить Ариадны, ведет нас в лабиринт времени. Куда идти мы? Для чего это стоит жить? Пусть пророческие таланты допытываются этого у природы, но с их откровений должны же быть квинт-эссенции вышлупаны и понаты. Вобривец-Пущинский был казался архимандритом, представителем этой, всегда небольшой группы истинно-благородного общества, которое выше и глубже называемого интеллигентного класса и которому принадлежат бережения цивилизации. Как богатырская дружина около князей мысли, люди высокой культуры составляли с теми князьями одно целое, их роль не в отделили. Что такое были бы Пущинские, если бы его окружала только светская интеллигенция, Чаадаевцы, Пущинцы и т. п. ?

Говоря о Вобривец-Пущинских, хотелось бы сослаться кстати о доброте, мягкости, душевности, о многих озорательных свойствах характера покойного, но и они не могут быть не больше как продукты прекрасной культуры, хорошей природы, хорошего воспитания. Прекрасная душа рождается не сразу. Это художественное произведение всей расы, этого большой работы над собой.

Чему учить мертвые.

Послушайте крайнюю печаль, радикалов и ретроградов,—нынешняя Россия должна гибнуть. Все у нас скверно до последней степени: всуход пища, невежество, болзны, голодъ, беззрбное шляство. Всю общаа бездарность и общаа глупод по безсознательности. Наслушавшись такихъ разговоровъ и хочется выйти на улицу, глотнуть свѣжаго воздуха. Очень жгь густая у насъ партияная мѣляна, смертная до того, что не продохнуть.

Россия, вы говорите, погибаетъ. Но какъ объяснить себѣ присутствие въ ней хотя бы того такихъ талантовъ, какъ Стреловъ,—настоящихъ, самовѣтныхъ, павъ въ такихъ энергій, какъ Воиричевъ-Пушкинъ, энергій строго-выдержанныхъ, культурныхъ? Таланты и энергій—подобно молніямъ—доказываютъ общее напряжение въ страдѣ устевенныхъ силъ. Яркая адстринство возможно лишь тогда нахолаеаго невидимаго, неяркаго. Россия гибнетъ, однако что же значить эти кичуаа, неустанная работа на безконечныхъ пилахъ, дающая ежегодно миллиарды рублей зарва? Въдѣ эти миллиарды десятиа развѣ подняты и переложены крестьянскими руками, прежде чѣмъ дойти до чьего-нибудь желудка. Если Россия гибнетъ, то что значить упорная, отъ зарва до зарва работа

на заводах, фабриках, мастерских, конторах, складах, на станциях железных дорог, в канцеляриях и проч. и проч.? Развѣ сейчасъ, когда вы читаете эти строки, не стучатъ по всей Россіи милліоны топоровъ, молотковъ, долотъ, станковъ и приборовъ? Развѣ милліоны лошадей загорьбыхъ, черныхъ двуногихъ не бѣгутъ по дорогамъ и мостовымъ въ возахъ, клаями, пескомъ, камнями, бревнами, досками, очевидно въ созиданіи какой-то общей, огромной работы? Правда, сотни тысячъ кверкыхъ теревъ въ Горького бродятъ, ничего не дѣлая, сплевывая голодную слюну на честный трудъ. Правда, тысячи лѣнливыхъ чиновниковъ тоже ничего не дѣлаютъ, и вообще милліоны паразитовъ точатъ добро народное. И пьянцы, и мерзавцы — все это правда. Но за всею этой драмой, хохохохо на коросту, нѣтъ ли великой страны, въ сущности здоровой, хорошо работающей и даже трезвой? Нѣтъ ли народа, достойнаго всея свѣрныи могучими талантами и благородными возбужденіемъ свѣдѣть расы?

Попустим, что я напираю въ дѣянія и безарность и получаю чѣзъ чужой хлѣбъ. Но сдѣлаю ходитъ, въ кухни моей квартиры работаю бѣдное, безконечно скромное, незвѣстное никому существо, встающее въ 5 часовъ утра и ложающееся въ 12 часовъ ночи, бѣгающее дѣтъ дѣнскою, точно на покладѣ, снизу вверхъ по дѣяніямъ, въ кладовую, погребе, лавку, безъ отдыха, безъ прѣды. Другое такое же существо готовитъ бѣда на многочисленную семью, жаритъ и щипитъ, третью—обмываетъ и очищаетъ эту семью и т. д. Выглядые на улицу: по ней тапущи несомчаемые возы съ дровами, съ сѣномъ, съ мебелью и пр. и пр. Складывать хотъ бы дрова: нхъ не легко было надрубить, эти гигантскіе, какъ крѣпости, склады дровъ. Нарубить, сложить, вывезти, перераскатать, еще разъ сложить, опять раскладывать, опять сложить, поставить ваъ въ аралъ, еще разъ сложить, еще раскладывать т. д., пока наконецъ дрова не запыхаютъ въ въ каминъ. А сѣно—скольго тревоги за нѣмъ, сколько возни! А молоко, яго, масло, мука, которыя откуда-то появляются неистощимымъ потокомъ, чтобы быть уничтоженнымъ вами. Что же ея такое, какъ не энергія и не талантъ простонародья? Что это какъ не душа народная, которую мы питаемся? Но значить эта душа попусту, она не мѣетъ. Мы ее бѣдимъ, мы можемъ быть и она насъ все, выходя, можетъ найти для себя питательнаго въ нашей работѣ.

Совершенный вздор, будто работают только деревья. Не меньше работают и города. Зайдите вы Петербургъ въ хо-
лошему портному, сапожнику, перешей-
щику, фотографу, попортите съдъ за-
казъ. Чаще всего вы услышите фразу: «про-
стите, придется подождать. Страшно много
работы. Никакъ справиться не можемъ».
Зайдите въ магазинъ на Невскомъ, въ книж-
ные лавки, въ конторы объявлений,—всюду
груба непотребная толпа, приказчи-
цы иучусь какъ угорьлые. Загните въ хо-
ломо поставленныхъ редакцій, типографи-
къ.
«Позвольте, да гдѣ же дѣтныя, о которыхъ
только кричатъ? Гдѣ это «заимка въ
«Факсъ», гдѣ это «вѣтъ торговли»? Ко-
нечу въ совѣсъ отпихивъ рхлей—дѣло
тоитъ, но у хозвѣвъ дѣло средней руки,
людей съ головой ихъ надо учить, какъ

задающая страх» машина. Всюду непрерывным фонтаном льются деньги, товары, услуги, требования, накладные, векселя. Но если жизнь шумит с такою неукротимостью, то можно ли говорить, что великая страна гибнет? Защите отъ нечего делать в засезенных канцеляриях, в окружных судах, в казначейство, в Государственный банк, в департаменты. Всюду дурные хвосты пролетей, как перья, между театральными кассами, всюду страшный напор обывательской глупости и крайне-слабости, лихорадочное довериеворение. Я не знаю, что делается в провинции, но Петербург работает, как лигвинтский механизм, и если бы числѣ стало меньше его «лошадинныхъ силъ» есть и гибнѣлы и мертвыя, то нельзя же паае. Это течение моей петербургской жизни я наблюдалъ жизнь нѣкоторыхъ учебныхъ заведений, литературныхъ учрежденій, нѣ-

иных, правительственных канцелярий, роскошных редакций, книжных магазинов, типографий—всюду работы бездна. И есть дятлы, по ест и труженики прямо кавказские. Наконец то углоение, на которое все жалуются, неужели оно при-
родное безделье? Угломие наши дти въ
школах, переутоме до постыдн
тоска учителя гимназй, сверхъ мръ
савалены работой почтовые чиновники,
рачари, городские судьи. Чуть-чуть выдава-
ся актера, адвоката, журналиста прямо
на части. Они не въ состоянй справ-
иться съ малой долей работы, которую
имъ навязывают. Вы скажете: есть тысячи
людей «синопшихъ завыял». Но стало бы
ихъ дѣйствующихъ въ обществѣ есть и ва-
снныя силы. Если эти силы не находятъ до-
статочной работы, то не потому, чтобы были
ленивы. Подумать только, какой огромный
материалъ, какъ А. П. Чеховъ, работаетъ цѣлые
годы въ «мелкой прессѣ», т. е. Шаляпинъ
по ушнымъ сценамъ и т. п. Большия
дарованья нелюдо остаются скрытыми, но
въ средѣ, откуда они выходятъ, остается
множество силъ, о которыхъ не слышно.
Неужели онъ ровно ничего не дѣлаетъ?
И дѣлаетъ эти мысли, что въ насъ все бла-
гополучно. Мы хотѣлось бы только, чтобы
незаслуженные люди провѣрили, точно ли
мы гибнемъ. Отдѣльная бѣдность еще не
должна доказывать. Вообще говоря, даже твердь
небесная не застрахована отъ катастрофъ.
Перенять крупнее не только товарные поѣз-
да, но цѣлая планета и мръ. Земля не
частичнее же неба. Что касается Россй,
то кажется, съ нею происходить то же,
что съ овецъ дѣланной дорогой, напримеръ
Сибирской. На послѣдней чуть не каж-
дый день несчастья, то тамъ, то здѣсь, въ
то время, какъ на другой дорогѣ, напри-
мръ Карсской, за десять лѣтъ было
только одно крупное. Простодушный чита-
тель газетъ мечетъ гробы на Сибирскую
и не выхаживаетъ Карсской. Ему
въ голову не приходитъ, что первая дорога
за триста лѣтъ дѣланные отроги, сѣдова-
тельно при совершенно одинаковой не-
справности на первой должно быть въ
триста разъ больше несчастныхъ случаевъ.
Нѣтъ подобное происходить и съ огром-
ной страной, какъ Россй. Въ то время,
какъ въ Швейцарй цѣлыя недѣли и мѣся-
цы проходятъ безъ возмущительныхъ со-
бытй, у насъ и сегодня, и завтра уже
непремѣнно какая-нибудь губерня под-
вернется блт. а иной разъ и сразу три-се-

тыре. Получается впечатлѣніе, что въ III дѣиіи рай земной, а у насъ жьть ведѣніе. «Въ Россіи и нынче голодъ», — «въ Россіи переродится тиѣ», — «въ Россіи опять поѣзды» и т. п. Не принимаютъ въ расчетъ, покрывая одно преступу земной сущи, а ли беретъ на себя такую же часть въ бѣдѣ человѣческихъ. «На такой-то въ такой-то дороги ограбленъ вагонъ товарнаго поезда». Телеграмма летитъ въ все газетѣ дѣлаетъ впечатлѣніе. Но что если бы датать телеграммы съ каждой версты въ кѣтвенныхъ дорогахъ. «Сейчасъ, молъ, поспрашивать благополучно. Никто не огненъ». Пришлось бы можетъ быть, стосать благополучій на одно бѣдствіе, и тогда-съ поняли бы, что грьхъ вообще гать на Создателя. На одно мгновенье сѣи приходится милліарды мгновений жизни значить жить можно.

— «Нити, братья, нити! Так дажи нити делай!» — провозгласил зыбь де зазвуд элегантийный поэтъ, давню зажиный «генералъ», при лентѣ и з нахъ. Онъ провозгласилъ это въ краси очтачии, подъ громъ аплодисментовъ смѣренный русскій народъ, сѣрый и г ный, молча живя себѣ да живя, док зая, что жить все-таки можно. Нечего ворить, что и самъ почтенный поэтъ, живя, что жить вельзя, благополучно зд ствуетъ, шествуя по дорогѣ поестей.

«Трудно жить» — вотъ что обыкновенн ы услышите отъ народа. Вотъ скромная мула, гораздо болѣе близкая къ истинѣ. Россіи въ дѣломъ не легко живется, что Россіи — не синекюра, — это такъ. Н труднѣйшимъ порядочнымъ людямъ, и в кому народу просто стыдно жаловатъ ся на свое житье. Простой народъ обыкновенн о и не жалуется. Онъ работаетъ какъ: и среди работы поэтъ, хочете, ругаю логитесь — и все это отъ души. Онъ всегд то-то найдетъ, много любитъ, узасы будствъ переноситъ съ терпѣніемъ, умир молча. Правно, въ этомъ больше прав мудрости, чѣмъ въ напихъ красивыхъ захъ о томъ, что Россія гибнетъ. Тр жить, но что же такое жизнь, какъ не одолѣти всѣхъ трудностей? Иначе она была бы даже смысла. Какъ бы наветъ всѣмъ трудностямъ народъ съ искони ковъ выдвигаетъ неизбѣганный трудъ — свою кротость, свой бодрый разумъ сверхъ всего этого онъ выдвигаетъ блестящія дарованія и таланты. Ихъ все не такъ мало этихъ талантовъ, и ими пѣзвѣны лишь немногіе. Въ об щанъ жизни, рвущаяся въ тысячѣ стѣхъ, возобновляется почти мгновенно когда воочью видишь, что люди сил и добрые не переводятся, что ске ихъ не умираетъ — являются другіе, наиче сѣбяется въкаторой надеж Полю, какая «губель»! Ужъ если жа увѣнча, переходимая въ бродъ, не пясатъ глѣзаченія и все збѣгится среди тѣхъ холмовъ, какъ во времена Юрия, и жѣгали такъ легко пяснютъ гигагт потоку народному ужъ полуторасти и новъ человекъ? Племя историческое теченіе въ океанъ времени, оно дини по опредѣленному пути, установленно мой природой. Погнотить ему не та мерко!

М. Меньшикс

М. Меньшиков